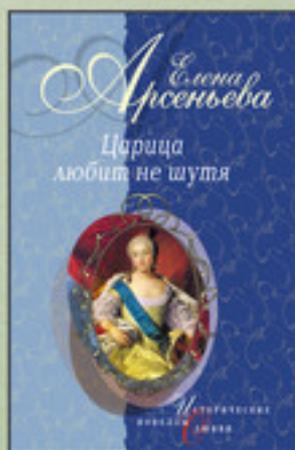

Елена Арсеньева

Ночь на вспаханном поле (Княгиня Ольга)

Часть сборника
Царица любит не шутя
(сборник)

Царица любит не шутя

Елена Арсеньева

**Ночь на вспаханном
поле (Княгиня Ольга)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Ночь на вспаханном поле (Княгиня Ольга) / Е. А. Арсеньева —
«Автор», — (Царица любит не шутя)

ISBN 5-699-07728-6

«Олень уходил, убежал, уносил сиянье полдня на своих молодых, роскошных рогах. О, это был не простой олень – олень-кесарь, зверь-князь! Да, он бежал, он спасался от охотника, но в самом беге его – легком и стремительном – чудился Игорю вызов. Так день уходит от ночи, так лето уходит от зимы, а жизнь – от смерти. Чудилось, не страх придает великолепному зверю прыти, а желание непременно показать человеку, кто воистину властен в этом лесу...»

ISBN 5-699-07728-6

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Елена Арсеньева

Ночь на вспаханном поле

(Княгиня Ольга)

Олень уходил, убежал, уносил сиянье полдня на своих молодых, роскошных рогах. О, это был не простой олень – олень-кесарь, зверь-князь! Да, он бежал, он спасался от охотника, но в самом беге его – легком и стремительном – чудился Игорю вызов. Так день уходит от ночи, так лето уходит от зимы, а жизнь – от смерти. Чудилось, не страх придает великолепному зверю прыти, а желание непременно показать человеку, кто воистину властен в этом лесу.

Но Игорь никак не верил в неудачу. Да и не мог поверить! Что с того, что он еще молод? Его отец, великий Рюрик¹, был победителем, и пестун его Олег² – победитель, и он рожден быть победителем. Он воспитан и взращен таким, он привык брать не то, что плохо лежит, а то, ради чего надо и кровь пролить, и хрип надорвать, и плечи натрудить, размахивая обоюдоострым мечом, и принимать в лицо последнее проклятие умирающих врагов вместе с их дыханием, и видеть, как жизнь исходит из их обезглавленных тел... И если он вкупе с Вещим Олегом склонил к пятам своим соседние племена, если он топтал хазар и древлян, наводивших страх на слабосильных, так что был ему этот непокорный олень? Еще одна стрела, еще один бросок коня... и зверь будет побежден!

Но стрелы улетали впустую – толком прицелиться не удавалось. А конь засекался, ронял пену с удил, хрипел и косил на всадника красным злым глазом, словно молил о пощаде, словно пытался вразумить: остановись! Не все твое на свете! Не все можно взять силой!

Но всадник не понимал, не хотел понимать. И остановил его не разум, не осторожность. Остановила неумолимая река.

Игорь знал – среди местных жителей она звалась Великой.

Олень, ни на миг не сбавляя хода, возмутил легкими ногами спокойную воду и поплыл, грудью раздвигая плотную серую волну, – закинув горделивую голову, поплыл на другой берег.

Игорь направил коня следом, но на кромке прибрежной травы скакун его рухнул на колени – словно взмолился о пощаде.

Молодой князь скатился с седла, вскочил, ощерился зло. Заметался по берегу. Нечего и думать гнать коня в воду – не выдержит, издохнет. Но ему не жаль было доброго коня, не встревожился он и за свою судьбу: как выберется из леса пешим? Хорошо бы протрубить в рог, кликнуть отставшую свиту, но рог был потерян где-то в лесу, во время этой безумной, безумной скачки.

Да не все ли равно? Игоря все еще дурманил угар погони.

Оленья голова маячила впереди, дразнила, манила. Чудилось, она плавно перекачивается по волнам. Вот еще совсем немного – и зверь ступит на противоположный берег, стряхнет с крутых боков воду и, бросив на неудачливого преследователя последний безразличный – даже не презрительный, а именно безразличный! – взгляд, скроется в чаще.

---

¹ Рюрик (?—879) – первый русский князь, призванный «чюдью, всею, словенами и кривичами», «из варяг» (из племени Русь), «княжить и володеть ими»; в 862 г. занял Ладогу, а через два года, по смерти своих братьев Синеуса и Трувора, присоединил к ней их владения – Белоозеро и Изборск; перенес столицу в Новгород и срубил город над Волховом (ныне Городище), где впоследствии жили новгородские князья. Перед смертью он вручил правление и заботу о малолетнем сыне своем Игоре своему родственнику Олегу.

² Олег Вещий (?—912) – русский князь из рода варягов, воевода Рюрика. В 907 г. дошел до Царьграда и вынудил греков сдаться.

Нет, еще есть время. Ах, кабы оказаться неведомой силой прямо посредине реки – еще можно выцелить зверя! Его еще достанет стрела! Ульь, покровитель охотников, самый меткий из асов³, поможет! Ах, кабы ему лодку сейчас!..

И тут – похоже, Ульь все же услышал этот жадный призыв! – из-за поворота реки вывернулась лодка. Стоя на корме, высокий статный гребец орудовал веслом.

И снова ударило в голову Игоря ожидание удачи, опьянило.

– Сюда! Ко мне! – что было силы закричал он, и лодка повернула к нему, ткнулась в песок.

– Куда тебе? – спросил светловолосый румяный юнец, глядя исподлобья.

Не взглянув на перевозчика, молодой князь оттолкнул лодку от берега и вскочил в нее – да так стремительно, что едва не перевернул.

– Вперед! Вперед! – кричал он, перебегая на нос и снова срывая с плеча лук и колчан.

– А конь твой? – послышался сзади тихий голос. – Неужто бросишь его?

Игорь не оглянулся:

– Греби! Еще успеем!

– Пеший оленя гнать по тому берегу будешь? – промолвил перевозчик, медленно отталкиваясь веслом от близкого дна.

– Не твоя печаль! Греби, кому сказано! – огрызнулся Игорь, почуяв насмешку. – Не понимаешь? Я его стрелой достану! Мой будет, мой!

– Не твой он будет, а водяниц, что на дне реки Великой живут! Жертву им решил принести? – Теперь в голосе перевозчика явственно послышалась усмешка, и князь соблаговолил наконец обернуться.

Игорь пригляделся – да так и замер с полуоткрытым ртом: да ведь это не юнец! Девка!

– Как так? – спросил, недоумевая: надо же, не разглядел он девичьей упругой стати под простой одежкой из дикого⁴ холста?!

– Да вот так, – ответила она, и улыбка вновь приподняла румяные холмики ее щек. – Оленя убьешь – он ко дну пойдет. Кому бы ни достался, а твой не будет!

Глаза у нее были в точности как сизая вода речная. Волосы, перехваченные на лбу кожаным ремешком, сияли под солнцем, словно золото, а иные пряди серебрились, будто степная ковыль-трава.

– Ты кто? – выдохнул Игорь, вмиг забыл про оленя и про все на свете, чувствуя лишь, как блаженная истома наполняет чресла.

– Прекраса.

– Пре... прекрасная!

Истинно так. Красота ее сияла, словно луна в ночи, словно солнечный день в череде пасмурных. А умна, умна до чего! Бесстрашна – смотрит в упор на охотника.

Кто такая? Чья? Волосы распущены – не мужняя жена, юница.

Олень на другом берегу выскочил из воды и, стряхнув с крутых боков сверкающие брызги, скрылся в чаще.

Игорь и бровью не повел. Что олень? Эта добыча будет получше!

– Ты права, – кивнул покладисто. – Поворачивай обратно. Ну! Кому говорят! К берегу!

Его начала бить нетерпеливая дрожь.

Девушка гребла, а сама смотрела прямо, испытующе:

– А не замыслил ли ты недоброе, человеке?

– Почему ж недоброе? – Игорь подбоченился, красуясь. – Посмотри на меня. Разве смогу я обидеть такую красавицу? Приласкай – и щедро награждена будешь! Ни одна из моих жен-

---

³ Асы – собирательное название всех варяжских богов.

⁴ То есть не беленого, а серого – дикого – цвета.

щин от меня обиженной не уходила. И ты не уйдешь. Да и зачем уходить? Коли по нраву мне придется, возьму с собой в Киев, будешь там при мне...

– Видела я, как ты благодаришь того, кто верно служит, – усмехнулась Прекраса, бросая взгляд на коня, который едва-едва мог подняться с колен и медленно потянулся к воде.

– А ты мне не перечь! – сердито крикнул Игорь. – Коли мне что по нраву – я из рук не выпущу! На все пойду, чтобы желание мое сбылось!

– Видела я и то, как ты настойчив! – бросила она в лицо княжичу новую усмешку, взмахом руки указав на противоположный берег, где даже и ветки, скрывшие след оленя, перестали качаться. – Что слабее тебя – силой ломишь. А упорства в тебе нет.

– Увидишь сейчас, есть во мне упорство или нет! – Игорь метнулся вперед, подхватил девушку на руки, выпрыгнул из лодки, которая уткнулась в песок. – Моя будешь – никуда не денешься!

Швырнул ее на берег, навалился было сверху. Она не билась, не противилась: только отвернула губы от его жадного рта, неподвижно смотрела в сторону. Вздыхнув, пробормотала:

– Олень ушел от них – ну да ничего, будет водяницам нынче новая подруга.

– Ты о чем? – пробормотал Игорь, зарываясь горящим лицом в прохладу ее спутанных волос, дурея от их запаха и тиская нетерпеливой рукой тугое, сильное тело. Смял на груди рубаху, готовый разорвать.

– Или ты не знаешь, откуда новые водяницы прибывают? – проговорила Прекраса так спокойно, словно не возился над нею распаленный похотью мужчина. – Позора мне не пережить. Вот возьмешь меня насилкою – делать нечего будет, кроме как камень на шею привязать – да и...

Игоря словно в грудь ударили – такая спокойная печаль была в ее голосе. Печаль и обреченность.

Он брал женщин силой – в покоренных селениях. Его возбуждали содрогания беспомощного тела под натиском грубой плоти. Те женщины кричали, молили о пощаде. Боялись.

Эта не боялась ничего. Даже смерти...

Или она заранее знала, чем все кончится? Или она вещая дева? Берегиня этой реки?

Вдруг затрещали ветки, на берег вырвался конь. К гриве припал молодой воин. Асмуд, молочный брат Игоря! Ох, не вовремя явился этот пересмешник!

– Княже! – крикнул встревоженно, а приметливые серые глаза так и метались по берегу. Мигом ухватил взглядом и ошеломленное, взбудораженное лицо Игоря, и девушку, лежащую навзничь... Одетую девушку!

– Дай мне своего коня, – буркнул Игорь. – Мой засека. Поведешь его в поводу. А ты... – повернулся к Прекрасе. – Скажи, где тебя искать?

– Выбутская весь, – ответила она, садясь и спокойно собирая рассыпавшиеся волосы. – Там я живу. Что, в гости нагрязнуть надумал?

Игорь зыркнул исподлобья, сам не зная, какое чувство сейчас владеет им: ярость? Отчаянное нежелание уезжать? Страх перед ее красотой и силой духа?

– Жди меня, а коли сам не смогу приехать, пришлю родича своего, Олега-князя.

– Зачем? – снова послышался ее холодноватый голос, от которого у него кровь начинала кипеть.

Игорь повернул горячего Асмудова коня, подскакал вплотную к Прекрасе – она хоть бы вздрогнула, хоть бы посторонилась! – выкрикнул, не то ярясь, не то смеясь:

– В жены тебя возьму! Поняла? И не смей мне перечить!

Больше не мог он на нее смотреть. Хлестнул коня так, что тот взвился на дыбы и только потом полетел по едва заметной тропе в чашу. Игорь припал к его шее.

«Не оглядывайся! Не оглядывайся!» – твердил себе.

Знал: оглянется – не сможет уехать от нее.

Не выдержал, конечно, – обернулся, но уже сомкнулись за спиной ветви и закрыли от него берег.

Спустя некоторое время Олег, прозванный Вещим, и впрямь привез в дом Игоря девицу Прекрасу. И стала девушка с реки Великой любимой женой князя. Поскольку она была сиротой, Олег был на свадьбе ее посаженным отцом. Оттого и называли ее Ольгой.

Как гласят предания, было это в лето 6411-е от сотворения мира, или в 903-м – по Рождеству Христову.

* * *

– Княгиня, к тебе *этой* просится... – Отрок замер у порога, переминаясь и отводя глаза.

– Кто? – не сразу отозвалась Ольга, погруженная в размышления.

– Ну *этой*, черноризец... – Голос отрока подрагивал от сдерживаемого страха.

Ольга с трудом сдержала улыбку. Она уже привыкла, что в Киеве побаиваются Григория – монаха, странника, приехавшего из Византии для того, чтобы устроить соборную церковь Святого Ильи. Ее прихожанами стали хазары и русы, побывавшие в разное время в Византии и принявшие там христианство. Ольга была истинной хранительницей домашнего очага – очага всего города, всего Киева. Рядом с этим очагом должно быть тепло всякому домочадцу. Именно поэтому она покровительствовала новой церкви, привечала монаха у себя, но не более того – не слишком-то вслушивалась в его обольстительные речи о распятом сыне Божиим.

Не до того ей стало. В отсутствие князя-мужа всегда столько хлопот... Особенно в это лето – безумное, жаркое, засушливое лето! Измучилась земля, измучились люди. В капищах день и ночь курились священные костры, облакопрогонники⁵ прилагали все силы, чтобы нагнать на небеса хоть малую тучку, но все напрасно: видно, разгневался Сварог, отец богов и людей, на своих неразумных детушек и теперь желал их смерти. Рассказывали, некогда боги подвергли людей страшному испытанию, наслав на них Всемирный Потоп, но эта медленная смерть от жары и жажды была куда хуже всякого потопы.

Ольга страдала вместе со своими людьми, но даже и теперь не покидала ее мысль о том, что засуха как-нибудь да избудется, дождь может разразиться в любой день – вдруг, как благословение небес. А вот ее небеса, видимо, прокляли. За что?!

Вот уже сколько лет она замужем, теперь и молодой ее не назовешь, а она все никак не может родить. Диво, что Игорь любит ее, словно в первый день, что до сих пор не отослал от себя. Ведь у него, кроме жены, много и других женщин – наложниц: красивых, молодых, волнующих. Нет же – постоянно навещает ложе Ольги, любит ее, силится заронить в ее лоно свое семя... но все напрасно! Воистину прокляла светлая, весенняя богиня Лада свою жрицу!

А разве Ольга не служила ей? Разве не пекла блины в дни Масляницы и не плела венки в новолуние в честь Мокоши, богини плодородия и судьбы? Когда наступало время пахать землю, а мужчины были в военном походе, именно княгиня пролагала первую борозду в честь Велеса, скотьего бога и покровителя плодородия, второго по значению бога славян после Перуна-громовержца. И ее ничуть не пугало то, что вместо лошади в плуг был впряжен медведь – воплощение Велеса...

И точно так же она первой шла опаживать город, если к нему подступала страшная морозная язва, или коровья смерть, или иная повальная болезнь, которая не щадила ни старых, ни малых.

Служению богам, людям, мужу были посвящены ее годы. Они шли и шли, а Ольга – красавица княгиня, верховная жрица, которой поклонялись, которую любили, которую почи-

---

⁵ В древности славяне называли так волхвов, которые имели особую власть над погодой и особенно над тучами.

тали, – старела. Конечно, старел и ее муж, однако мужчинам года только доблести прибавляют, Ольга увядала, словно бесплодное дерево. Словно так и не распустившийся цветок. Чем, чем она прогневила богов? Уж она ли не служила им? Она ли не молила их?

– Княгиня... – подал голос забытый отрок.

Ольга встрепенулась, отогнала тягостные мысли.

– Григорий пришел? Ну, пусть войдет.

Вообще-то Григорий ей очень нравился. Это был умный, образованный человек – грек, отлично знающий обычаи многих стран, ибо он всю свою жизнь только и знал, что путешествовал. А уж как он умел рассказывать! Ольга называла его своим скальдом, своим Бояном – песнопевцем, сладкоголосым соловьем, баюном. На сей раз Григорий поведал ей историю о франкском короле Хлодвиге⁶ и его жене Клотильде. Он жил лет за пятьсот до княгини Ольги и был основателем Франкского королевства. Желу себе он выбрал по великой любви, а вовсе не по династическим интересам, однако эта любовь долго не была увенчана рождением детей. Хлодвиг был язычником. А Клотильда – христианкой. После смерти отца она несколько лет провела в одном из монастырей Бургундии. И задумалась: а не даруют ли небеса детей ей и Хлодвигу, если она обратит мужа в христианскую веру?

---

⁶ Хлодвиг I (466–511) – король франков из рода Меровингов. Завоевал почти всю Галлию, что положило начало Франкскому государству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.